

ЕЛЕНА КОНДРАТЬЕВА-САЛЬГЕРО (Франция)

Журналист

Родилась в Москве. С 1990 года живёт во Франции. Публикуется на русском, французском и английском языках. Статьи, очерки, публицистика печатаются в газетах «Русский очевидец», «Взгляд», «Глаголь», на портале «RussieNet», стихи — в альманахе «Славянские встречи», «Северная Аврора». Лауреат Кубка мира по русской поэзии 2012 года. Главный редактор парижского литературного альманаха «Глаголь».

ХОЗЯЙКА ЖЕЛЕЗНОЙ ГОРЫ

Когда она умерла, две огромные радуги окольцевали землю с четырёх концов света и крестом сошлись над монастырём. А небо рассыпалось лепестками лёгких облаков, как взметёнными дыханьем крыльями ангелов. На глазах очевидцев крест распрявился, подчинив себе вогнутость видимого пространства, и пронзительное сияние целиком заполонило небо над опрокинутыми головами. И никто не удивился...

Родилась она в 1098 году. Как любят классифицировать аналитики, «в эпоху смутную». Европейские королевства и княжества рвали друг друга на лоскуты и лохмотья, что, впрочем, не помешало им устроить первый крестовый бросок на Иерусалим. Она стала десятым ребёнком в не слишком богатой, но весьма почитаемой и очень набожной семье старой рейнской аристократии. А странности её замечать начали рано. Сама она признавалась: *«Когда мне было 3 года, я вдруг увидела свет, перевернувший всю душу мою, но выразить этого или даже просто сказать о нём тогда не могла».*

Зато уже с 5 лет начинаются «свидетельские показания». Она говорит своей испуганной няне: «Посмотри, какой славный, хорошенький телёночек в животе у этой коровы! Он весь белый, с пятнами на лбу, на ногах и на спине...». Недоумение и испуг распространяются на всех домашних, когда телёнок появляется на свет в полном соответствии с описанием. Поначалу, как всем детям, ей казалось, что все вокруг видят как она. Но скоро осознала, что многое из видимого ею без всякого усилия остаётся полностью

сокрытым для остальных, не воспринимается ими и пугает. Это смутило и огорчило её. Она попыталась контролировать себя и не рассказывать о том, что по её мнению могло не быть очевидным для всех.

Но «явления» её учащаются, усложняются и так сильно переплетаются с действительностью, что она не всегда в состоянии отделить «вид» от «видения»: *«...и глаза мои остаются открытыми. Когда я вижу это, днём или ночью, я всегда бодрствую... Это свет вне всякого источника, гораздо более яркий, чем тот, что окружает солнце...»*.

Современная медицина обычно запикивает не глядя или укладывает аккуратной стопочкой разного рода «видения» реальных или фантазмагорических животных, растений или людей в эластичную категорию «галлюцинации». Имеет она в своих закромах и этикетку к явлению чисто офтальмологического порядка: синдром Шарля Бонне (Le syndrome de Charles Bonnet). Дегенерация сетчатки, ретинопатия вследствие диабета, глаукомы или, например, повреждения роговицы. Симптомы характеризуются резкими вспышками, вполне объясняющими «ощущение необыкновенного всепоглощающего света». Многие из современных исследователей склоняются именно к этому объяснению: ребёнок изначально «слабого здоровья», воспитанный в духе «сильного религиозного аскетизма», впечатлённый соответствующей символикой. Хильдегарда развила и просто-сердечно доработала эту особенность, так поражавшую современников и с лихвой расшитую бисером биографов.

Но в гладко причёсанном объяснении отсутствуют несколько значительных деталей. Например, остаются за бортом «слуховые галлюцинации», равно как и полностью сбывшиеся «предсказания». Считается, что она была Средневековью тем же, чем Нострадамус — Возрождению, не только в ясновидении, но и в авангардной медицине, и в воздействии на великих мира сего... Хорошо известна и до сих пор тщательно изучается её обильная переписка со св. Бернаром Клервоским, равно как с Папами и императорами эпохи.

А здоровье у девочки действительно было слабое: болела постоянно и даже, говорят, еле держалась на ногах. В 8 лет её помещают в ближний монастырь, к молодой матери-настоятельнице по имени Ютта, с которой они будут неразлучны. Она учится читать, петь псалмы, сочинять музыку (представьте себе!) и, конечно, — распознавать и использовать лекарственные растения. В 15 лет она принимает покров из рук епископа Отто Бамбергского, что само по себе считалось великой честью. С честью же и проводит в монастыре все годы вплоть до 1136 — года смерти матери-настоятельницы. И становится наместницей.

Будущей знаменитости Хильдегарде Бингенской 38 лет. Кроме видений, её сильно беспокоят голоса. Всё более настойчивые. Голоса, требующие

«записать и огласить» виденное и слышанное. «...*Шёл 43 год моего пребывания земного, когда я с большим страхом вникала в некое небесное явление; я увидела небывалое свечение, из которого глас обратился ко мне: „Слабый человек, пепел от пепла, гниль от гнили, скажи и запиши, что видишь и слышишь“*».

Здоровье её по-прежнему некрепко, окрепла лишь неуверенность в себе, и ноша новых её обязанностей как настоятельницы кажется невыносимой. В порыве отчаяния, в одной из своих молитв, она отказывается «исполнить волю свыше». В тот же момент молниеносная боль поражает её и бросает оземь. Она приходит в себя, парализованная, не в состоянии ни двинуться, ни понять, что произошло. Молодая монахиня по имени Рихардис, обнаружившая её, бежит за духовником, аббатом Вольмаром, которому удаётся её «разговорить». Паралич вскоре отступает.

Вольмар докладывает о событиях высшему начальству, и после некоторого замешательства епископ даёт разрешение Хильдегарде записать пережитое. Это станет первой книгой «*Scivias*» («*Scito vias Domini*», «Знай пути Господни»). В 1147 году собравшийся в городе Треве синод рассматривает записи Хильдегарды и архиепископ Майенский представляет их Папе Евгению III. Это её первая работа. В ней — сотворение мира, истоки христианства и пришествие Антихриста. Хроники утверждают, что проиллюстрировала она её собственноручно. А современные толкователи не без основания видят в мрачной густоте описаний отголоски той самой вышеупомянутой «смутной эпохи». Общих объяснений хватает с лихвой.

Сам Евгений III, равно как и Бернар Клервоский, находят текст беспрецедентным, достойным самого тщательного изучения и высокого почитания. После предварительного одобрения назначается комиссия из прелатов для «расследования» в монастыре Хильдегарды... Вывод комиссии пересмотру не подлежит: мистификация невозможна. Евгений III лично комментирует «*Scivias*» епископам. Вот зачитанный им отрывок, начало Первого Видения Первой Книги «*Scivias*»:

«...Я увидела великую гору цвета железа, и на ней сидящего, от коего исходил свет силы ослепляющей. С двух сторон, прикрывая его мягкой тенью, вытягивалось по крылу, длиной и шириной замечательному. А перед ним, у подножия горы, покоилось нечто, в коем человеческого различить было невозможно, ибо полно оно было огромного множества глаз. Перед ним — ребёнок, одетый в тёмное, но обутый в белое: на голову его сходил столь ясный свет с сидящего на горе, что нельзя было смотреть на его лицо. Бесчисленные живые искры исходили от сидящего на горе и всё облакали великой нежностью. А в самой горе различимо было множество оконцев, в коих виднелись человеческие головы, одни тёмные, другие белые. И сидящий на горе воскликнул глубоким голосом: „О Человек, неуловимая пыль земной пыли и прах от праха, кричи и говори об истоках нетленного

спасения, пока не найдутся те, кто знают суть Писаний, но не хотят проповедовать их, потому что слабы и ленивы. Покажи им ключ к тайнам, которые в осторожности своей скрывают они бесплодно“».

Слава маленького монастыря Хильдегарды очень скоро создаёт в обители легко предсказуемую тесноту. Хильдегарда принимает решение о переезде в более просторные владения рядом с городком Бинген, который и подарит ей имя собственное.

Среди самых знаменитых её предсказаний — безобразный кровавый конфликт между папистами и катарами. Уже в 1164 году она не только описала начало, быстрое развитие и конец еретического движения, но и жесточайшую реакцию Церкви. Сорок лет спустя по папскому приказу святой Доминик и Симон де Монфор устраивают настоящий геноцид. Их солдаты жгут всех и вся, убивая детей, женщин, стариков. Тогда, говорят, на вопрос, как отличить «доброго христианина» от «еретика», ответ падал топором: «Убивайте всех, Господь опознает своих!».

Во всегдашней и всеобщей сумятице времён, людей, идей и событий, деяния Хильдегарды из Бингена доверху наполняли её неутомимость вопреки слабому здоровью и обильно переливались через край. Она исполняет свои обязанности настоятельницы, пишет музыку к псалмам и кантикам (это удивительная музыка, сочная, наполняющая пронзительной и заживляющей гармонией!), слагает поэмы, всё увеличивает объём своей переписки с высочайшими умами эпохи, посещает монастыри и совершает предсказания по всей Германии. Тысячи паломников идут в Бинген, чтобы увидеть и услышать её. А ещё она лечит. Из огромного количества паломников уже невозможно толком определить, кто ищет спасения духовного, кто физического.

Чудесные излечения и свидетельства о них принимают прямо-таки эпидемический характер. Служанку Берту, которой опухоль на шее почти не позволяла есть, Хильдегарда осеняет крестным знаменем, и опухоль исчезает. Она благословляет слепого ребёнка, плывшего вместе с ней на корабле, и, опустив руку в воду, льёт с ладони ему на глаза — ребёнок прозревает... А о скольких «выздоровлениях на расстоянии» свидетельствуют молившиеся ей, коим она «явилась и исцелила».

Сама Хильдегарда и говорила и писала о том, что суть исцеления не только в вере, но и в собственном *сознании* — в воздержании, и в *знании* — о важности гигиены, физических упражнений, необходимых лекарств. Лишний раз подтверждая всем известную, но редко практикуемую истину «на Бога надейся, но сам — не плошай». Пища. Лечебные растения. И даже глина, металлы, минералы и драгоценные камни. Например, «*Бриллиант обладает твёрдостью ничем непобедимой. Добродетель его и сила таковы, что он душит зло и злобу*». Камень этот считается камнем мудрости, и правильно применяемый (в контакте с телом) «усмиряет

чрезмерности», будь то телесные или психические. «Ускоряет процесс»: мудрец с его содействием становится мудрее, глупец усугубляет собственную глупость. Или: *«Золото горячо. Сущность его подобна солнцу и оно находится в тесном контакте с воздухом».*

Древние египтяне, как известно, тоже считали, что для устойчивого здоровья как средство защиты необходимо всегда носить на теле что-либо сделанное из золота. В средние века золото было символом чистоты и долголетия. Хильдегарда применяла его во многих рецептах: против подагры, ревматизмов, желудочных проблем и даже потери слуха. Кроме того, считалось, что чистое золото способствует развитию моральных и интеллектуальных качеств (вне зависимости от нравов и времён).

Но самые интересные записи Хильдегарды Бингенской касаются пищевых компонентов и лекарственных трав. Современные трактаты, благодаря с-тех-порошному прогрессу получившие возможность «научно» доказать полезность и норму применения почти всех базовых продуктов, от уксуса и вина до хлеба и бобовых культур, истоки свои имеют в когда-то забытом и презируемом Средневековье, интерес к которому в отношении кулинарных и лекарственных рецептов так удачно возродился каких-нибудь лет 25 тому назад... И Хильдегарду Бингенскую по праву помещают среди основоположников современных гомеопатии, лито- и фитотерапии.

Но тогда... Тогда были только исцеления, дельные советы и новые поиски. Многие из того арсенала лечебных средств кажутся по меньшей мере странными, если не откровенно дикими, — они оказывались следствием абсолютного незнания человеческого тела: не стоит забывать, что вскрытие в средние века каралось смертной казнью, а большинство болезней объяснялось наказанием Божиим.

Ну и, наконец, средства распространения информации были крайне ограничены — книгопечатание не являлось ещё и в видениях. Большинство рукописных книг определялось религиозным содержанием. В отсутствие опытного лекаря по населённым пунктам Европы бродили «бабушкины рецепты». Больную ногу советовали сунуть в ещё тёплую бычью кровь. Лук и пепел сожжёной мыши следовало втирать в голову, чтобы остановить выпадение волос. А «женским проблемам» предлагался поистине роскошный выбор: напиток домашнего приготовления из заваренных листьев бирючины с мочой или ингаляция парами варёва из клопов.

В хрониках самой Хильдегарды, наряду с дельными советами и ценными лечебно-травными средствами, тоже встречаются такого рода «дикие рецепты». Некоторые разумные критики считают, что в какой-то мере, будучи ещё при жизни безмерно почитаемой величиной, она неразумно способствовала торможению медико-анатомических знаний своей эпохи, поскольку каждое её мнение дискуссии не подлежало. И всё же, всё же... До сих пор, а точнее — с некоторых пор солидные университетчики, серьёзные

исследователи, учёные с мировым именем проводят тщательнейшие исследования, разыскивают ещё заплутавшие и необнародованные манускрипты, проверяют их подлинность и правильность перевода каждого слова... Осуществляют, как выразился один из них, «обязательную чистку перед полным погружением в сердце удивительных работ».

Её холистическая концепция мира — единство тела и духа — вдохновила Данте. И более трёх веков до рождения Леонардо да Винчи самое знаменитое изображение человека в позе «утренняя гимнастика» — руки в стороны, ноги на ширине плеч, в центре круга — спокойно почивало среди личных записей и иллюстраций «маленькой монахини с берегов Рейна». Одна из самых серьёзных медиевистов и биографов Хильдегарды, Режи́н Перно, не случайно отмечает, как трудно признать всему классическому сонму негативных трактовщиков Средневековья, что та самая «картинка, помещающая человека в центр вселенной», все заслуги от которой до недавнего времени приписывали Возрождению, была привычна аж с XII века...

Поэзия Хильдегарды Бингенской продолжает завораживать и давать средства к существованию целому сонму переводчиков, историков, исследователей и толкователей, любителей и профессионалов. Её музыку со священным восторгом записывают на лазерные диски, которые легко найти в любом книжном магазине, имеющем худо-бедно отдел по средневековью. А от тех материалов о ней, которые всегда украшают лавки католических монастырей, у особых любителей по спинам и ногам бегут мурашки. Её «мистические видения», ей самой растолкованные «глубоким голосом», в нашу новую смутную эпоху с равным успехом можно использовать как образчик эзотерического текста и средство к размышлению. Вот, например, отрывок из книги II «*Scivias*», Видение V, в котором «Голос» отождествляет солнце с «Сыном», а Церковь, «единённую с Ним высочайшим венчанием», — с луной:

«...Как и луна постоянно в сущности своей то прибывает, то уменьшается, а свет свой получает лишь от солнца, так и Церковь движется в своём развитии таким образом, что дети её часто идут вперёд с растущими добродетелями и так же часто убывают с различием нравов и гонениями; таким образом, что часто поражена она в таинствах своих алчными волками, в вере своей — злыми людьми, и христианами и иудеями, и другими неверными, и поэтому сама по себе не светит она терпимостью, но во мне освещена Сыном моим, дабы продолжила добро...».

День собственной смерти она тоже предсказала. И опять не ошиблась. Она умерла 17 сентября 1179 года от продолжительной болезни в окружении плачущих монахинь своего монастыря. Вот тогда-то и сошлись над их головами четыре стороны света в один распрямлённый крест. Маленький монастырь в Бингене скоро становится центром такого неумёмого паломничества, что окончательно напуганные нашествием монахини умоляют Майенского

епископа «вступить за них». Епископ в своих молитвах обращается лично к Хильдегарде и постепенно, но верно, всё как-то улаживается и успокаивается, хоть паломников и не убывает.

Она не удостоилась официальной канонизации, но прочно заняла своё место среди святых и великомучеников между святой Катериной и святой Маргаритой. Останки её захоронены в церкви города Бингена, перед алтарём, рядом с останками св. Руперта. Около 1490 года учёный-гуманист Жан Тритем проводит эксгумацию тела Хильдегарды и добывается разрешения «сохранить её руку». В тот же период кардинал Альбер Бранденбургский добывает разрешение и себе: в двух хрустальных стаканах у него хранятся язык и один из пальцев Хильдегарды... С тех пор мы бережно храним кусочки материй нетленных и даже иногда пытаемся сложить из них мозаику, да так, чтобы получилась какая-то гармония и радовала глаз. Но чтоб не в стакане...

Чужая душа — потёмки, а ум — ребус. Например, вот такой:

«...Ибо душа даёт жизнь телу, как огонь несёт свет во тьму, посредством двух основных сил, которыми владеет, ума и воли, и они ей — точно две руки, не для того, чтобы быть в движении, но потому, что ими проявляет себя, как солнце своим сиянием...».

ЛЕГЕНДЫ ПОСЛЕ БОЯ

В хрониках страстей и событий разной степени достоверности есть одна пограничная зона, недоступная оппонентам, — ни серьёзным исследователям, ни дотошным любителям, ни оголтелым критикам. Зона эта неуязвима и невосприимчива к скепсису и иронии всех сортов. Даже меткие стрелы изошрённых уличений в несоответствии действительности отлетают от неё, как от стенки горох, нисколько не умаляя её дурманящего притяжения. Потому что тайна всегда сильнее фактов. Тайна манит обещаниями, которых не нарушит никогда, пока она тайна. Действительность, отредактированная фактами, суха и скучна, как отчётная ведомость или товарный прейскурант. Действительность заслуживает уважения. «Пограничная зона», апологию которой я собираюсь здесь расплести — восхищения, жалости и любви, как неразумное и нелепое, но самое желанное и дорогое дитя.

Зона эта — семейные предания. Семейным преданиям не страшны презрение учёных и нападки неучей. Вредно им только забвение родных

и близких имени и духу. Правда, когда речь идёт о слишком старых и слишком громких именах, потерять, мне кажется, могут все — носители фамилий и лично не заинтересованные, но каким-либо образом причастные к истории государства Российского. Поэтому лучше лишний раз запечатлеть и там и тут, может статься, чьи-нибудь потомки всё-таки разберутся.

«Род мой один из самых старинных дворянских. Мы происходим от прусского выходца Радши или Рачи, человека знатного... приехавшего в Россию во время княжения святого Александра Ярославича Невского. От него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другие».

Это говорит самый знаменитый из рода, просто Пушкин, Александр Сергеевич. И, между прочим, ошибается. Потомки — народ дотошный. Андрей Андреевич Мусин-Пушкин, ныне несущий славную фамилию из глубин застарелых споров, домыслов и хлестающих фактами утверждений, тактично замечает, что сам «Ратша» (встречается несколько написаний этого имени) никак не мог приехать в Россию при Александре Невском (1236–1263), поскольку служил в своё время «тиуном» (сборщиком налогов) у великого князя Всеволода II (до 1146 года). При Александре, следовательно, ему было бы около 130 лет, что даже по тем героическим временам кажется эпическим просчётом.

Александр Невскому служил не сам Ратша, а правнук его, Гаврило Олексич (или Алексич), положивший начало сразу нескольким дворянским фамилиям, в ажурном обрамлении феерических легенд. Это его персонаж вдохновил С. Эйзенштейна и актёра А. Абрикосова на романтическую версию в знаменитом фильме с эффектным, хоть и немного гротескным эпизодом въезда на коне на вражеский корабль прямо по сходням вслед за удирающим королевичем. И бесконечные споры о том, сам ли он шмякнулся, потеряв равновесие, или противники постарались, опрокинули, а сверху ещё и коня подтолкнули. Как бы то ни было, спаслись оба. Что, собственно, единственно и важно, потому что и славные фамилии, и легенды после боя продолжились вместе с ними. Бои, кстати, идут до сих пор — уже за легенды. Легенд будет много. Как и громких представителей всех последующих фамилий (Мусиных-Пушкиных, Бобрищевых-Пушкиных, Бутурлиных, Мятлевых, Поводовых...), каждая из которых при умелом подходе ещё сможет «прокормить» несколько поколений дотошных исследователей и их оппонентов.

Более прочих предоставит материала для боёв и легенд Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744–1817), со своими знаменитыми коллекциями. Там и Тьмутараканский камень, и «Слово о полку Игореве», и исчезнувшие архивы, и потайные комнаты в особняке на Разгуляе, и (может быть!) не сгоревшие в 1812 году рукописи, и вечные сомнения о канувших подделках... или подлинниках.

Менее прочих озвучен мало известный широкой публике персонаж, среди «узких специалистов» вызывающий самую горячую полемику. Персонаж этот — женщина. У-ди-ви-тельная.

Назад, читатель мой, назад! В ту смутную, смятую противоречивыми свидетельствами эпоху, когда русский трон принял на свои жёсткие подлокотники второго представителя рода Романовых, Алексея Михайловича, царя Тишайшего. А род Мусиных-Пушкиных вышел на самую неожиданную развилку, споры о которой дымятся по сей день. Ирина (Арина) Михайловна, по некоторым сведениям, урождённая Еропкина, по другим — Луговская, по всем сохранившимся свидетельствам была женщиной весьма образованной. Кем конкретно она состояла при дворе до женитьбы государя на М. И. Милославской, с точностью сказать нельзя. В списках «нянек» и «мамок» она не упоминается, хотя роль её в качестве воспитательницы при царских детях подтверждена многими источниками.

Гораздо менее признаваема связь её с государем, откуда последующие виражи карьеры и личной жизни. Была она замужем за царским стольником, Алексеем Богдановичем Мусиным-Пушкиным, который и признал рождённого младенца Ивана своим сыном. А вот дату рождения этого мальчика до сих пор страстно оспаривают все заинтересованные и просто любопытствующие лица. По понятным причинам.

Семейство Мусиных-Пушкиных оказалось при дворе в тяжкую для государя пору: его первая супруга М. И. Милославская скончалась в марте 1669 года. В июне того же года в возрасте шести лет умер маленький сын, царевич Симеон. Траур затемнил придворную суету и продлился всё лето. В память супруги, которую, по всем свидетельствам, он сильно любил, Алексей Михайлович написал новую редакцию «Сказания об Успении Богородицы» и даже сочинил свой собственный распев религиозного гимна. Но жизнь при дворе, как и на задворье, берёт своё, сквозь скорбь и боль, на едва зарубцевавшихся ранах. И через восемь месяцев после кончины первой супруги государь занялся подбором новой невесты, согласно принятому протоколу.

Все серьёзные исследователи единодушно утверждают, что по тем временам интимных царских отношений вне официального брака быть не могло, потому что не могло быть никогда! Блюли честь смолоду, ничего лишнего себе не позволяли. Сразу несколько версий намекают, что государь в своё время серьёзно подумывал взять в жёны Ирину, урождённую Еропкину (или Луговскую), но что знатность её рода посчитали недостаточной и к престолу не допустили.

Поэтому те источники, которые фиксируют рождение мальчика Ивана в семье Ирины и Алексея Богдановича Мусиных-Пушкиных 1671 годом, скорее всего, деликатно пытаются вписать это событие в царское одиночество междубрачья: после кончины Милославской и перед женитьбой на Нарышкиной.

На самом деле дата эта из рук вон плоха во всех отношениях. Во-первых, если следовать этой дате, мальчика назначат стольником в 6 (!) лет, воеводой в 18 (!!) и окольников в 22 (!!!). Во-вторых, отыскалось письмо А. Б. Мусина-Пушкина 1655 года из Польши, где он тогда воевал (и где скоро скончался). Пишет он жене и отдельно сыну. А это подразумевает, что мальчик уже умеет читать, и значит, лет ему как минимум 6 или 7. Следовательно, настоящая

дата его рождения скорее всего скрывается в 1648–1649 годах, что более правдоподобно расставляет по местам последующие возрастные достижения: стольник в 29, воевода в 41 и боярин в 62.

Но, как и дыма без огня, секрета полишинеля без изначального, известного всем события в человеческих страстях по сей день не наблюдалось. И, хотя ни один из непосредственных протагонистов этой истории не оставил никакого публичного признания или зацепа, позволяющего утверждать крамольное отцовство, косвенные свидетельства находятся в изобилии.

Пётр I в своих письмах к сыну Ирины, Ивану Алексеевичу, использует обращение «любезный брат мой». А к сыну Ивана Алексеевича, Платону — «племянник». Кстати, Иван Алексеевич Мусин-Пушкин стал единственным и последним, кому Пётр даровал высший чин в служебной карьере: он был возведён в бояре в 1698 году.

В записках шведского офицера Иоганна Филиппа Страленберга, созданных в первой половине XVIII века, открыто говорится об особом положении при дворе Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина как тайного сына государя. По письмам Ирины Михайловны также можно судить об её особом положении при дворе. Но в самой семье Мусиных-Пушкиных подобные толки никогда не «муслировались», а, наоборот, с большим тактом хранились в тени молчания. Сама Ирина, по всем без исключения свидетельствам, ни положением своим, ни другими достоинствами не кичилась.

Об интеллектуальных качествах этой женщины свидетельствует прежде всего её сын, обучала и воспитывала которого она сама. Граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин считался одним из образованнейших людей своего времени. Кроме русского, немецкого и французского, прекрасно

Андрей Андреевич Мусин-Пушкин и его супруга, Елизавета Маврикиевна. Франция, 2014

владел латынью. Был известен незаурядной эрудицией, серьёзно занимался историей и археографией, коллекционировал старинные манускрипты и редкие книги. (Потомки его, вплоть до наших дней, так и не расстаются с вышеперечисленными семейными увлечениями). Заведовал книгопечатней в Санкт-Петербурге. Сделал блестящую карьеру при дворе, за что и получил при Петре Великом первый в истории семьи графский титул (16 февраля 1710 года). Год спустя стал первым сенатором и посланником Петра I к регенту французского двора с целью сближения двух держав. Много занимался финансами и юстицией. Был частным советником при дворе и окончательно отошёл от мира и дел его при Петре II.

Достижения первого из графов Мусиных-Пушкиных в разных источниках, а тем паче в известных энциклопедиях, упоминаются в изобилии. А вот матерью его интересуются мало и упоминают о ней вскользь. Жаль. Потому что, по всем добредшим до нас свидетельствам, женщиной она была очень незаурядной. Предания перешёптываются, что красавица, но государя заинтересовала более умом своим, нежели внешностью. Потому и к царским детям впоследствии приставили, потому и своего собственного сына выучила не хуже, чем целый университет.

Всё потому же достаточно скоро отдалили её от двора: состояла она в обширной переписке с учёными иностранцами. Бог их знает, чего понапишут, зачем и чем кончится. Царская милость часто коротка, а жизнь куда длиннее любой истории.

Уехала она в своё имение, купленное у родственника, боярина Ильи Алексеевича Луговского в селе Угодичи Ростовского уезда, откуда ей было велено отправиться в ссылку в Вологду под охраной целого отряда стрельцов. Из Вологды её вскоре отозвали указом государя и велели прибыть в Москву на очную ставку с сёстрами, *«для великого государя тайного дела и для сыска»*; *«...ропросить Алексеевскую жену Мусина-Пушкина Арину и велено пытать ее накрепко»*.

Ни одна протокольная запись того времени (они назывались «разряды») не упоминает сущности «тайного дела». А речь шла о её обширной переписке с иностранными учёными (среди которых много поляков, вызывавших в то время, как легко догадаться, подозрение и предубеждение со стороны властей). Переписка эта целью своей имела самое серьёзное научное собрание редких и ценных сведений о начале христианства и романо-славянских властителях. Сведения она добывала и записывала для уникальнейшей книги, речь о которой далее.

Переписка перлюстрировалась ростовскими воеводами, имена которых сохранились в «деле» (Елецкий, Пусташкин, Боков, Татищев...), почитавшими некоторые из её отзывов о московской знати недостойными

и нелюбимыми. Близкий к государю боярин, Артемон Сергеевич Матвеев, лично приезжал в Ростов разбираться, никакой «измены» в писаниях Ирины Мусиной-Пушкиной не нашёл, однако критику московских княжеских и боярских родов не оценил, приезжать в Москву и продолжать переписку запретил. После московского «вызова» Ирину Мусину-Пушкину (к тому времени, кстати, уже вдову) вновь выслали в Угодичи, а остальные имения (её и сестёр её) конфисковали. В Ростове и продолжится её легенда, насытив не только семейные, но и многие местные предания.

На берегу озера Неро (оно же Ростовское) в пасмурные дни сливается с оловянным небом свинцовыми куполами, а в солнечную погоду — куполами серебряными Спасо-Песочный монастырь. Всё, что осталось от него сейчас, — одна соборная церковь, а когда-то славу этих мест несли из слухов в летописи сразу несколько женских имён. Основательница монастыря, княгиня Мария, жена ростовского князя Василька, замученного татарами в 1238 году, оставила истории интереснейшие письменные свидетельства о смерти русских князей во времена ига великого и ужасного. Княжны Дарья Ростовская и Антонина Пужбольская, переодетые в мужские одежды, лично сражались среди дружины князя Андрея Федоровича Ростовского в страшном лязге Куликовской битвы.

И вот уже в веке XVII заговорили о той, кого называли «учёной боярыней», слава о которой почтовыми волнами докатилась до Лондона и Амстердама (переписка и последовавшие из-за неё неприятности!). Та же обширная переписка сохранила отдельные частные свидетельства об общении с умной женщиной, говорить с которой почитали за честь лучшие умы эпохи. Местные ростовские версии, возвращаясь к таинственной и бурной молодости боярыни, рассказывают: чтобы избежать замужества с каким-то великовозрастным претендентом, Ирина Луговская (или Еропкина?) написала возлюбленному своему Алексею Мусину-Пушкину записку романтического содержания: «Если любишь меня, спаси».

Говорят, что познакомились Ирина и Алексей в праздничный день Покрова Пресвятой Богородицы в ростовской церкви за обедней. Полюбили друг друга с первого взгляда и молвы не побоялись: зимней ночью похитил Ирину боярин Алексей прямо из светлицы, прихватив, кстати, и няньку её, Прохоровну, помогавшую советами. Увёз обеих в родовую вотчину, село Иломну, где молодых обвенчал местный священник, и где Прохоровна продолжила своё безбедное существование при чете.

«Безбедно» всегда длится недолго, и вскоре пришла суровая весть: царь Алексей Иванович собирает поход на крымских татар и мятежную Литву, созывает войско, хочет освободить старый русский город Смоленск, захваченный литовцами ещё с XV века. Супруги Мусины-Пушкины в святой борьбе решили не расставаться: переделась Ирина в мужское платье,

надела доспехи ратные и выступила в поход с мужем под именем брата его Ивана. В походе сдружились «братья» с казацким воеводой, вместе с которым совершили подвиг неслыханный: на глазах самого царя-батюшки напали на главный литовский полк и сокрушили его в щепки, в пыль. За что были награждены «боевым оружием, дарами и дружбой царскою». Да ещё и окутаны всеобщим восхищением при раскрытии личности младшего из «братьев»... Последовало приглашение в Москву, «по царскому слову». И уже упомянутая, нашумевшая и отхлынувшая история. Но история не вся.

Супруги Мусины-Пушкины в те самые первые, ещё счастливые московские годы их пребывания при дворе занялись поисками и приобретением старинных рукописей и редких книг, в основном исторического и фольклорного содержания. Тексты эти пополнялись новыми сведениями (отсюда и знаменитая переписка с польскими и многими другими учёными умами), на основе которых оба супруга составляли уникальный сборник сказаний и преданий о славянах, о русском народе, о Вандале и Словене, Владимире, основателе Ростова Великого, и о многих, многих других, от Ноя до Рюрика Новгородского.

Добытую в Москве информацию пополняли в селе Дмитриановское Зверинцевской волости, куда ездили специально с целью собирания устных преданий, особо приветствуя все те, что так или иначе упоминали русских богатырей, князей и волшебников земель Ростово-Ярославских. Все собранные материалы редактировались обоими супругами, дополнялись «картинками и заставками весьма искусной руки» и составили в результате рукописную книгу «почтенной толщины» (более 500 страниц, «в дестевую меру листа, на грубой желтоватой бумаге», всего 120 текстов), найденную и описанную крестьянином села Угодичи А. Я. Артыновым (1813–1896).

«Книга о великих князьях русских, отколе произыде корень их» писалась долгие годы и хранила на шероховатых листах своих автографы трёх представителей семьи Мусиных-Пушкиных: Алексея Богдановича, жены его Ирины и сына их Ивана Алексеевича (того самого, кого Пётр Великий в письмах своих называл «любезнейший брат мой»). Молодой Иван Алексеевич, говорят, печатал в Москве малым тиражом часть этой книги под заголовком «Родословная от Ноя до Рюрика», но до наших дней ни одного экземпляра не дошло. А у самого оригинала — грустная судьба.

Семейный архив и родовую библиотеку граф Иван Алексеевич хранил в селе Угодичи в «кладовой палатке» под колокольней Николаевской церкви, им же построенной в 1707 году. После смерти его всё имущество перешло сыну, Платону Ивановичу (тому, кого Пётр I называл «племянником»), который как-то неудачно «нашалил» (по выражению одного из тогдашних летописцев) в деле о попытке государственного переустройства, затеянного

Артёмием Петровичем Волинским. По указу императрицы Елизаветы Петровны за «шалости» графа Платона в 1740 году село Угодичи было конфисковано в казну, позже императрицей Екатериной II подарено княгине Е. А. Голицыной, затем перешло к её брату Ф. Карру, который по примеру графа С. Орлова освободил своих крепостных 19 февраля 1809 года.

Весь архив и библиотека Мусиных-Пушкиных оказались, таким образом, собственностью крестьянской общины «свободных хлебопашцев», которые, как нетрудно догадаться, подобными реликвиями не заинтересовались. Летом 1842 года трое жителей села Угодичи, писарь Озеров, бурмистр Тихонов и крестьянин Артынов («лубочный литератор и собиратель древностей») нашли плесневеющие сокровища под Николаевской колокольней. Артынов, по достоинству оценивший находку, сделал своего рода копию первой части сильно повреждённой от сырости рукописи. Своего рода копию, потому что содержание он не переписал досконально, а пересказал своими словами, переводя неудобный для понимания текст на современный язык. О чём впоследствии сам сильно жалел: *«...с горестию вспоминаю теперь о том... я по неопытности исправляя язык и слог, который считал тяжёлым и неудобным... и много раз переписывая не сохранил... и малейших остатков слога рукописи...»*.

Оригинал единственный раз увидит в сельском архиве села Угодичи приезжавший из Санкт-Петербурга учёный секретарь Императорского Русского археологического общества И. П. Сахаров, восторженный отзыв которого («Это Илиада русского народа!») так и канет в бездействии. Никто не попытается издать уникальные тексты. А в октябре 1856 года чиновник Ярославской палаты государственных имуществ Я. А. Надёжин, явившийся с ревизией в Угодичи, вывезет на нескольких телегах весь сельский архив в эту самую палату. Ещё через несколько лет эта самая палата будет ликвидирована, её собственное имущество свалено на дворе и продано с аукциона Ярославской бумажной фабрике на переработку...

Так исчезла из литературного коловращения времён *«Книга о великих князьях русских, отколе произыде корень их»*, известная ныне только по цитатам, сохранённым Артыновым в его вымощенном лучшими намерениями, трогательно неумелом пересказе. Кто знает, всё ли имущество Ярославской палаты скопом ушло на переработку, или может быть... может быть, в один прекрасный день, нежданно-негаданно кому-нибудь ещё повезёт отыскать легендарный оригинал.

Как бы то ни было, главное и нестираемое остаётся, а Ирина век свой доживала в Ростовском имении очень активно, вовсе не нежась в ностальгии по смутному прошлому. Лично участвовала в строительстве Ростовского кремля совместно с Ионой Сыроевичем, митрополитом Ростовским и Ярославским. Это она предоставила митрополиту экземпляр Библии с иллюстрациями

знаменитого Николаса Иоанниса Пискатора, которые послужили образцами множеству фресок в ростовских церквях.

К моменту её окончательного поселения в Ростовских владениях собрала она уникальную по тем временам библиотеку, особо почитая исторические хроники и редкие книги. Весь ею начатый род, с первого графа, Ивана Алексеевича, и далее, далее, через славные судьбы и громкие имена понесёт эту страсть к познанию и сохранению истории в хрупких бумажных источниках. И в устных традициях. Потому что все, следующие за ней при жизни слухи и пересказы продолжатся вместе с именем. Не волею семьи, а только любопытством ненасытных исследователей. Тайны, пересуды, неумирающие предания обладают всепроникающей способностью, уникальной живучестью и абсолютным иммунитетом к официальным опровержениям. Сколько ни опровергай, а всегда найдётся щёлочка, через которую вновь утечёт.

Сын, Иван Алексеевич, первый граф Мусин-Пушкин — страшно сказать — последний из Романовых? Поговаривали же, что сам Пётр Великий был сыном вовсе не государя Алексея Михайловича, а не то Салтыкова, не то самого Патриарха Никона. И более того понарасказывали: де в самый разгар многослойной трапезы хватал Пётр за грудки Салтыкова и допрашивал буйно при всех. Указывал на рядом сидящего Ивана Алексеевича (Мусина-Пушкина) и кричал: он, де, знает, кто его отец. А кто мой?! И Салтыков, душа в пятках, смиренно отвечал: не знаю, государь, не могу знать, было нас несколько...

Так оно вышло или как-то иначе, ныне трудно с уверенностью утверждать. Но предание осталось и переписывается из источника в источник, останавливается неукротимыми сомнениями и льётся дальше, как ручей через каскады. И не столь важно, где было ровно столько, а где меньше, или даже совсем наоборот. Пусть далёкая правда сохранит мягкую подсветку смешавшихся цветами и отзвуками легенд. Потому что самое-самое главное — это совсем не праздное и даже не научное любопытство. Самое главное просто и хорошо, как все мысли и чувства свои, высказал один из них, Пушкиных, Мусиных-Пушкиных, Бобрищевых-Пушкиных, Бутурлиных, Мятлевых, Поводовых и других, дай Бог, не последних:

«...Но от кого бы я ни происходил — от разночинцев, вышедших во дворяне, или от одного из самых старинных русских родов, от предков, коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей, образ мнений моих от этого никак бы не зависел; и хоть нигде донныне я его не обнаруживал и никому до него нужды нет, но отказываться от него я ничуть не намерен...» (Александр Сергеевич Пушкин).